

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Н. А. Красновская. Фриулы. М., 1971, 188 стр. с илл.

Книга Н. А. Красновской — первый в мировой литературе труд, дающий полную и всестороннюю историко-этнографическую характеристику фриулов — этого своеобразного и довольно крупного национального меньшинства северо-восточной Италии. О литературе на русском языке не приходится и говорить — несколько предыдущих статей самой Н. А. Красновской да статья И. И. Срезневского о фриульских славянах (но не о самих фриулах) — вот все, чем мы располагаем. В самой Италии имеются исследования лишь по отдельным периодам истории фриулов или по этнографии (причем лучше всего из всех — труду Остерманна — уже около 80 лет), этническая же история фриулов вообще не разработана, и материал для нее автору пришлось собирать по крохам. Поэтому нет сомнения, что выход этой книги имеет большое значение не только для советского читателя, но и прежде всего для читателя за рубежом, в том числе и в самой Италии. Очень жаль поэтому, что работа Н. А. Красновской лишена совершенно необходимого в таких случаях резюме на одном из западных языков (в данном случае либо на английском, либо на итальянском); остается надеяться, что она будет переведена на один из этих языков.

За вычетом введения и краткого, но достаточно полного обзора литературы по предмету (гл. I), книга состоит из трех неравных частей: этнической истории предков фриулов до их христианизации в начале IV в. н. э. (гл. II), истории культуры Фриули с IV в. и до новейшего времени (гл. III) и описания разных сторон хозяйства и быта современных фриулов (гл. IV—VII).

Имеются также библиография, лично-именной и этнонимический указатели.

Автор обстоятельно излагает фактические данные по историографии изучения фриулов, о различных этнических группах, населявших и проходивших через Фриульскую область в античности и в раннем средневековье, о перипетиях гражданской истории области Фриули и обо всех сторонах их современной и традиционной духовной и материальной культуры. Однако основная теоретическая ценность этой книги содержится в ее заключении, где всего на семи страницах очень компактно и убедительно изложены новейшие теоретические выводы автора. Прежде всего, это вопрос этногенеза фриулов и места, занимаемого этим народом, на языковой и исторической карте древнего и современного романского единства. Нарисована очень четкая схема последовательных пластов в этногенезе фриулов. Со времени неолита все пространство от Альп до Адриатики было занято многочисленными племенами эвганеев, соплеменностью, принадлежавшей скорее к группе лигурских народов. В начале I тысячелетия до н. э. на территории современных Венето и Фриули появляются племена венетов. Язык их, очевидно, занимал промежуточное положение между иллирийскими, с одной стороны, и итальянскими — с другой. Эвганеи, обитавшие на равнине, были ассимилированы венетами. Но часть их, вытесненная в изолированные горные ущелья, долгое время в виде маленьких групп — трумплинов, каммунов и стоэнов — сохраняла свою самобытность вплоть до прихода римлян. Вскоре после того, как на приадриатическую низменность проникли венеты, в лежащих значительно севернее альпийских долинах появились племена ретов. Здесь реты контактировали с оттесненными в некоторые из этих долин эвганеями и, возможно, смешивались с ними: с трумплинами в Валь-Тромпня, а с каммунами в Валь-Каммуника. Таким образом, эвганеи являются древнейшим известным населением и равнинной и горной части северной Италии и южной Швейцарии. В дальнейшем образовались два ареала: эвганейско-ретский ареал послужил субстратом для формирования так называемых западных и центральных рето-романцев (ладинов и руманшей), а эвганейско-венетский — для формирования фриулов. К этому последнему в IV в. до н. э. добавился галльский, а именно — карнийский элемент. Хотя карны и покорили венетов, но не сумели навязать им свой язык, и тот субстрат, который во Фриули непосредственно предшествовал латыни, имел как галльско-карнийские, так и иллиро-венетские черты. Именно на этом субстрате сформировалась аквилейская народная латынь, еще в римское время отличавшаяся значительным своеобразием среди латинских говоров. Ее дальнейшее развитие в XIV в. н. э. привело к формированию основных черт современного фриульского языка. Многочисленные постронние привнесения (в V в. гетские, в VI—VII вв. лангобардские, в VIII—IX вв. славянские и в дальнейшем немецкие) составили определенный вклад и в языковое, и в культурное развитие фриулов, но не изменили его принципиального содержания, оставшегося во все эти времена и до наших дней ярко выраженно романским.

Этноним фриулы, очевидно, появился в лангобардское время и происходит от названия главного города в области — Форум Юлии. Наибольшее значение для укрепления самобытности фриульской народности, для становления ее этнического самосознания имел период XI—XIV вв., когда во Фриули существовало независимое светское государство, возглавляемое аквилейскими патриархами. В духовной и материальной культуре фриулов автор прослеживает некоторые специфически фриульские черты. Одни из них, например, блюда из квашеной репы («броваде»), восходят еще к античным временам, другие, как специфика обрядности в день Вознесения, связаны с отдель-

ными конкретными моментами уже собственно истории фриульского «отечества». Есть черты, заимствованные у других народов: например, у австрийцев заимствовано употребление в пищу клёцок, обряд бросания с холма зажженных колесиков «лис чидулис». Очень много черт, общих для всей Италии, и, наконец, черты характерные не для всей Италии, но общие для фриулов и венецианской этнографической группы итальянцев: это тип дома, многие семейные обряды.

Таким образом, фриулы, развивавшиеся на протяжении средневековья как одна из многих самостоятельных романских народностей, постепенно в ходе формирования итальянской нации все более ассоциировались с ней, причем связующим звеном служила венецианская этнографическая группа итальянцев. В настоящее время фриулы продолжают существовать как особая народность, тесно ассоциированная с итальянской нацией. Хотя самобытность их культуры и языка в последнее время постепенно убывает, думается, что именно такие малые народы современности остро нуждаются во внимании исследователя и появление книги Н. А. Красновской представляет собой ценный и своевременный вклад в их изучение.

С. А. Арутюнов

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

М. К. Кудрявцев. *Община и каста в Хиндустане (из жизни индийской деревни)*. М., 1971, 283 стр.

Предметом научного анализа в монографии М. К. Кудрявцева являются социально-экономические и историко-этнические процессы, происходящие в современной индийской деревне. Это в сущности первое марксистское исследование указанных процессов в данном районе.

Не так давно изучение проблем сельской поземельной общины многими расценивалось как попытка открыть нечто весьма архаичное. По мере крушения колониальной системы империализма и завоевания народами политической независимости обнаружилось, что традиционная крестьянская община продолжает существовать во многих странах и регионах Азии, Африки и Америки, что география и масштабы распространения общины еще полностью не определены. В ряде районов земного шара исследователи заново «открывали» ее. Достаточно вспомнить историю «открытия» русской сельской общины в XIX в. Гакстгаузеном и индийской общины английскими учеными чиновниками и чиновниками-учеными. Недавно стало известно о существовании общинной структуры в районах Атласных гор в центральном Таиланде. Причем во многих районах мира община продолжает существовать не как реликтовая форма, а как органический элемент полиукладной экономики. Ученые и политики убедились, что проблема крестьянской общины является жгучей проблемой современности.

Автор рецензируемой монографии убедительно доказал, что деревенская община в Индии, которая в прошлом веке существовала в национальном масштабе, в XX в. не исчезла, более того, она в разных формах дожила до наших дней и сосуществует с высшими формами современного государственно-монополистического капитализма. М. К. Кудрявцев «открыл», можно сказать, современную индийскую общину, которую у нас считали исчезнувшей. Он показал масштабы ее распространения и ее роль в социально-экономической структуре современной Индии, всем этим способствуя разоблачению легенды о реликтовом характере общины¹.

Из работ М. К. Кудрявцева, С. А. Маретиной и других советских исследователей мы уже знаем о значительном распространении в XX в. общинной системы в Хиндустане (Северная Индия) и Горном Ассаме (Восточная Индия). Дальнейшие исследования, вероятно, приведут к обнаружению «живой» общинной структуры в других частях Индии.

Автор рецензируемой книги — историк и этнограф. И хотя он пишет, что смотрит на индийскую деревню, на общинно-кастовые отношения «глазами этнографа» (стр. 6), тем не менее, и это важно подчеркнуть, он не ограничивает свое исследование проблемами этнографическими или узкоспециальными. Большой его заслугой, как мы думаем, является то, что в его работе удачно сочетаются (но не смешиваются) экономический, социальный и этнографический аспекты жизни индийской общины-деревни в их диалек-

¹ О современной индийской общине много пишут зарубежные, в частности индийские ученые. Однако в советской литературе утвердилось мнение, что индийская община в лучшем случае дожила до начала XIX в. (см. стр. 102 рецензируемой книги). И если касались современной общины, то в порядке упоминания или беглого описания некоторых ее черт (см. работы И. М. Рейснера, Н. И. Семеновой, Л. Б. Алаева). М. К. Кудрявцев впервые в советской литературе дал обстоятельный анализ этой общины, доказав, что она жива и функционирует в довольно широком масштабе. В этом смысле можно сказать, что автор «открыл» современную индийскую общину.